Сломанная тень

Автор:
Валерий Введенский

Сломанная тень

Валерий Владимирович Введенский

Детектив Российской империиИлья Тоннер и Денис Угаров #2

Петербург, 1829 год. Город потрясает череда самоубийств и несчастных случаев: застрелился граф Ухтомский, поручик Репетин сломал себе шею, упав с лошади, а барона Баумгартена нашли в петле. Полиция все списывает на случайное стечение обстоятельств, но судебный врач, Илья Андреевич Тоннер, иного мнения. Ему удается выяснить крайне интересную деталь: в этом деле замешана дама, чье лицо скрыто под вуалью. Тоннер уверен, что даме известны многие тайны, в том числе и загадки произошедших убийств…

Валерий Введенский

Сломанная тень

Купола стоят в позолоте,

Шпили ввысь устремились стройно.

Петербург стоит на болоте,

По ночам у нас неспокойно.

Геннадий Григорьев

Автор благодарит за консультации Анну Шикурину.

В романе косвенно цитируется книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году».

© Введенский В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава первая

Возмущение клокотало в груди. Непривычные к ходьбе ноги норовили обогнать пролетавшие по набережной кареты и экипажи. И лишь прохожие, изредка попадавшиеся навстречу, вынуждали Арсения Кирилловича несколько сбавлять шаг. Каждого князь Дашкин пытался еще издали рассмотреть, вычислить: он или нет?

Кутаясь в шинельку на рыбьем меху, чиновник испуганно шарахнулся в переулок. «Жаль, – расстроился князь. – Такого бы огрел пару раз тростью, сам бы письмо отдал! В зубах бы приволок! Как собачонка палку!»

Дашкин покосился на темно-коричневую шавку, весело игравшую с мальчишками на тротуаре. Дети пытались обмануть собачку: замахивались, а сами не бросали палку, прятали за спиной. Не тут-то было. Дворняга внимательно следила за всеми уловками, и покуда игрушку действительно не бросят, с места не двигалась. Только крутила хвостом-бубликом и отрывисто гавкала. Мол, кидай скорей! Дашкин покачал головой. «Не заигрались бы! Не пропустили бы мерзавца!»

Дворовых мальчишек, что посмышленей, он привел сюда сам. План был прост. Если господин хороший после увещеваний письмо не отдаст – отобрать силой! Арсений Кириллович еще крепок, опять же трость со свинцовым набалдашником

в руке! Боялся лишь, что негодяй сумеет сбежать. Тут-то мальчишки и пригодятся!

Гвардейского штабс-капитана Дашкин сразу отмел. Chantage[1 - Шантаж (фр.).], как это называют французы, – промысел людей низких. Записку писал какой-нибудь гувернер или студент, а может, мелкий чиновник. Нынче среди канцелярских и купеческие сынки завелись, и поповские. Вот ведь гримаса судьбы! Попавшее к шантажисту письмо как раз про то, как этой самой черни жизнь облегчить! Про долгожданную свободу крестьянам, равные права сословий, конституцию!

Нет, боже упаси, никакой Дашкин не якобинец! И в тайных обществах сроду не состоял. А вот либеральным идеям был привержен смолоду и никогда сие не скрывал! Покойный Александр Первый не раз говорил: «Дашкин – умнейший человек! А что либерал, так и я им в юности был!»

Нынешний монарх столь теплых чувств к князю не питал. Наоборот, относился с подозрением. Во время следствия над заговорщиками вызывал на допрос. Но князь перед законом был чист. Да-с! Про тайные общества и предстоящий бунт знал, а кто про то не ведал? Своих замыслов заговорщики не скрывали. А не примкнул, потому что считал: реформы только законному самодержцу по плечу! Неучам-офицерикам, фрондирующим за завтраком оттого, что попойки наскучили, сие не по силам. Александр Благословенный реформы планировал, вот только провести не успел: все царствование воевал. А обещал и конституцию, подобную Польской, и крестьян от рабства избавить. А там и до парламента, затаенной мечты Арсения Кирилловича, рукой подать. Нет сильней Британской империи! Почему бы ее за образец не взять?

Николай Первый выслушал Дашкина сухо, мыслей брата не разделял. Правда, и обвинений не предъявил. Велел лишь написать письмо приятелю и единомышленнику, Николаю Веремееву, чтобы тот вернулся в Россию.

В отличие от Дашкина, Веремеев поначалу примкнул к заговорщикам. Однако убедившись, что Пестель отчизне термидор готовит, от заговора отошел и в восстании не участвовал. Но новый самодержец упорно считал Николая Ивановича одним из зачинщиков.

Дашкин письмо написать пообещал, но слова не сдержал. Догадывался, что ждет друга…

Где же чертов шантажист? Князь уже почти бежал по опустевшей в сумерках Фонтанке. Грозивший наводнением ветер повернул вспять речную воду, но князя, казалось, не могла остановить даже разбушевавшаяся стихия.

Неужели не придет? «Конечно, не придет! – обрадовался Арсений Кириллович. Устыдился! Шутка ли? Шантажировать камергера и сенатора!»

Тяжело дыша, Дашкин остановился, огляделся. Мальчишки с собачкой едва за ним поспевали. «Разогнался я не по чину!» – подумал князь. Ветер начал стихать, закапал дождь. Арсений Кириллович повернулся и медленно побрел назад. Никого!

«Жаль, что негодяй не явился. Я бы наставил его на путь истинный! Как опустился этот человек! Прочел чужое письмо…»

Письмо! Дашкин остановился как вкопанный. А вдруг шантажист письмо в Третье отделение отнес? Читает его в сию минуту Александр Христофорович и в усы хихикает? Теперь князю все зачтется! И что Веремеева не выманил, и что крамольные идеи, несмотря на предостережение, из головы не выкинул. Времена-то другие настали! Зря говорят, что историю вспять повернуть нельзя! Очень даже можно, если иронией судеб на трон взгромоздилось ничтожество!

К нелегкой царской ноше Екатерина Великая готовила двоих: Александра – для России, Константина – для возрожденной Византии. Третьему внуку, Николаю, был уготован династический брак и шефство над гвардейским полком. Оттого и правит он Россией как казармой. С утра до вечера занят смотрами, ценит рабскую преданность, завещанных братом реформ боится. Любимое занятие – проверять, носят ли чиновники мундиры!

«Послал Бог России ничтожество!»

Господи! Ведь так в письме и написал! Нет! Ссылкой в имение не отделаюсь! Лишат меня того имения! Вместе с чинами и званиями! Сошлют в Сибирь! Что ждет Кирилла, долгожданного наследника? Что ждет Юлию?

Женился князь поздно, скоропалительно и без любви. Юная Юлия Антоновна казалась кроткой и послушной, но после родов внезапно переменилась. Из невзрачного подростка превратилась в красавицу, на брачном ложе равнодушная покорность сменилась безудержной страстью. Дашкин было обрадовался, но оказалось, что сил, которыми славился в молодости, у него уже нет. Пришлось прибегать к уловкам: князь начал держать пост по средам и пятницам, в иные вечера запирался в кабинете – якобы работал с бумагами, а нараставшее вожделение юной супруги пытался удовлетворить пространными нравоучениями о пользе воздержания.

– Ваше сиятельство! – из остановившегося экипажа помахала ручка в черной перчатке.

Арсений Кириллович учтиво снял цилиндр.

– Добрый вечер! Очень рад вас видеть!

«Как некстати кого-то встретить!» – подумал про себя князь. А вдруг шантажист увидит, что я не один, и подойти испугается.

– Садитесь живей! – из экипажа выглянула дама, длинная траурная вуаль скрывала ее лицо.

– К сожалению, тороплюсь на важную встречу, так что не могу воспользоваться вашей любезностью.

– Да садитесь же! Деньги при вас?

Князь испуганно обернулся, потряс головой. Не ослышался ли? Дама выглянула снова:

– Кол осиновый проглотили?

Еще до конца не осознав, что дама и есть ожидаемый шантажист, князь взобрался в экипаж и плюхнулся на сиденье.

– Гони! – приказала незнакомка кучеру. Экипаж дернулся с места.

– Деньги при вас? – требовательно повторила дама.

– С кем имею честь? – осведомился князь; он не сомневался – перед ним шлюха. Они самое святое продают – любовь, значит, и на шантаж способны.

– Не узнали? – хихикнула падшая.

– Нет, конечно! – Князя передернуло от возмущения.

– Ваш ангел-хранитель!

– Кто? – поразился Арсений Кириллович. Он никак не мог прийти в себя.

– Ваш ангел-хранитель! Кабы не я, в Петропавловке бы сейчас сидели. Деньги принесли?

Князь, обладавший живым воображением, тотчас увидел себя в кандалах. Страшное зрелище так его потрясло, что он даже припомнил план, который обдумывал весь день.

– Сударь, то есть сударыня! Ваш поступок безнравствен…

После сих слов князь намеревался, глядя шантажисту в глаза, произнести душеспасительную речь, которая, вне всяких сомнений, заставит его раскаяться.

– Я с вами согласна, ваше сиятельство! – хихикнула дама. – Покрывать якобинца – отвратительно. Мучилась весь обед – то ли к вам ехать, то ли в Третье…

План с треском провалился. Но письмо-то надо вернуть! Вопрос жизни и смерти!

Зажав между ног бесполезную трость, Арсений Кириллович сел вполоборота к спутнице:

– Письмо при вас?

– Письмо против денег.

– Отдайте немедленно! – потребовал Дашкин грозным тоном. – А то…

– В полицию побежите? – засмеялась дама. – Давайте высажу, здесь недалеко.

Экипаж тряхнуло на кочке; а князь только этого и ждал. Вцепился руками в горло шантажистки. В ответ в грудь Арсения Кирилловича что-то уперлось.

– Пистолет! – сдавленно пояснила дама. – Заряженный!

Князь разжал руки. Вдруг и вправду!..

– Арсений Кириллович, время дорого, – деловым тоном продолжила шантажистка. – Гоните двадцать тысяч, получите письмо и проваливайте!

– Я… – князь замялся. – Я не взял с собой денег!

– А зачем явились? Поговорить о моей нравственности?

– Но… Это очень большая сумма, сударыня! Я не мог собрать ее за день!

– Сколько вам надо времени? – поинтересовалась дама.

– Месяц! Придется имение закладывать …

– Два дня! – отрезала шантажистка. – Встречаемся пятого в это же время!

– Два дня? – ужаснулся князь.

– И ни часом больше. Думаю, камергер и сенатор без труда одолжит двадцать пять тысяч.

– Но в записке сказано: двадцать!

– Двадцать письмо стоило сегодня. Во вторник меньше, чем за двадцать пять, не отдам! Что я, девочка, взад-вперед кататься?

Дальше ехали молча. Около дома Дашкина дама скомандовала извозчику:

– Тпру! Приехали, Арсений Кириллович! Вылезайте!

Князь спустился на мостовую с трудом, ноги дрожали. По привычке приподнял цилиндр и тут же опустил. Хотел сказать что-то хлесткое, но не решился.

– Пятого, в пять, – напомнила дама на прощание.

– На том же месте? – спросил князь.

– Пожалуй, нет, – чуть подумав, решила шантажистка. – Прогуливайтесь по Гостиному. Я вас найду.

Экипаж умчался. На противоположной стороне с виноватым видом стояли мальчишки. Их приятельница-собачонка сидела, понуро свесив голову, словно тоже просила прощения.

– Чего стоите? – заорал Дашкин. – Догнать! Проследить. Идиоты! Запорю!

Приказание было бессмысленным. Пешему догнать экипаж невозможно, особенно в опустевшем вечернем городе. Но не мог же князь, камергер и сенатор, признать свое поражение!

– Юлия Антоновна дома? – поинтересовался у камердинера.

– Дома-с, – подтвердил Петька. – Занимаются.

– Чем? – раздраженно спросил Дашкин.

– Рисованием. Учитель к ее сиятельству пришел-с. Просили-с не беспокоить.

– Какой учитель?

Утром Юлия что-то говорила про рисование, но князю было не до нее – с утренней почтой принесли злосчастную записку.

– Не знаю! Молодой такой.

Дав пинка нерадивому Петьке, Дашкин толкнул плечом дверь в комнату княгини.

– Вы уже вернулись? – с улыбкой вышла навстречу Юлия Антоновна. – Позвольте представить моего учителя рисования: Тучин Александр Владимирович.

Развалившийся в кресле молодой человек нехотя поднялся и поклонился, насмешливо глядя на Дашкина.

– Очень приятно, – с отвращением промямлил князь.

На мольберте красовался девственно-чистый холст, краски были сухи, никаких карандашей и альбомов!

– Мы только что приступили, ваше сиятельство, – с улыбкой мартовского кота ответил красноречивому взгляду художник. – Ставили руку! Учились правильно держать кисть. Вот так!

Юноша подошел к княгине сзади. Вложив кисточку в ее пальцы, обхватил за запястье и принялся водить рукою Юлии Антоновны, рисуя в воздухе воображаемую линию.

– Господин Тучин говорит, что, если держать кисть неправильно, нужный штрих не получится! – пояснила мужу Дашкина.

Тела супруги и учителя соприкасались, оба весело улыбались.

– Довольно! – вскричал князь. Зрелище было невыносимое. – Урок окончен. Тучин! Пройдемте-ка в мой кабинет.

– Но мон шер… – попробовала возразить Юлия.

– Увы, Арсений Кириллович! – Тучин достал из кармана брегет и зацокал языком. – Полвосьмого! Совсем забыл. У меня срочные дела.

– Вы… Вы не получите за урок ни копейки!

– О! Я учу Юлию Антоновну бесплатно. Из любви, так сказать…

Тучин нарочно сделал паузу. И расшатанные нервы князю изменили:

– Что-о-о?!

– Из любви к искусству и дружеских чувств к Юлии Антоновне! – закончил фразу Тучин.

– Забываетесь, любезный! – переведя дух, с ненавистью процедил князь. – Дружба с людьми вашего круга нам невозможна!

Арсений Кириллович, хоть и радел в душе за равенство сословий, панибратство меж ними отвергал. Да и крестьян мечтал освободить больше на бумаге, ни одному из своих вольную так и не дал.

Юлия Антоновна попробовала объяснить:

– Александр Владимирович – потомственный дворянин. Его папенька послал Сашу…

Князь округлил глаза, и Юлия Антоновна быстро поправилась:

– … Александра Владимировича на учебу в Италию.

– Как? Дворянин-художник? – изумился Дашкин.

– Да, ваше сиятельство!

Столь наглые поклонники жены Дашкину еще не попадались. Обычно, завидев князя, ловеласы краснели и спешно ретировались.

– Вы, кажется, торопитесь? Так не смею задерживать!

– Был рад знакомству! Позвольте ручку, княгиня! Честь имею! – Щелкнув каблуками дорогих сапог, Тучин удалился.

– Как это понимать, сударыня?!

– Сегодня за завтраком вы разрешили мне брать уроки рисования! – напомнила княгиня мужу.

– Не помню! Глупость какая-то! Зачем вам рисование?

– Чем-то я должна заниматься! – возмутилась княгиня. – Мы нигде не бываем…

– Какая чушь! Постоянно таскаемся по балам…

После рождения сына князь возненавидел выезды в свет. Где бы Дашкины ни появлялись, тут же вокруг Юлии Антоновны начинали вертеться стайки молодых людей. Штатские и военные, красавцы и так себе – все искали ее благосклонности. А она, несмотря на возмущение мужа, им улыбалась.

– Все танцуют до утра, а мы уезжаем до полуночи.

– Вполне достаточно. В общем, так! Никаких уроков, никаких художников! Знаю я этих щелкоперов. Знаю, чего они хотят… Вы глупы и неопытны! А по женской своей природе – безнравственны…

– Что? Я Богу клялась хранить верность, Арсений Кириллович!

– Ах, бросьте! Все клянутся, а потом с первым же встречным… Уж я-то знаю!

– Откуда? Соблазняете чужих жен?

Неужели это та кроткая барышня, с которой так недавно Дашкин стоял у алтаря?!

– Боже! – Арсений Кириллович рухнул в кресло. Достав платок, дрожащей рукой вытер лоб. – Как вы смеете?!

– А вы? Как смеете сомневаться во мне? Да, я хочу танцевать, рисовать, музицировать! Это не преступление!

– Когда умру, делайте, что хотите… – Князь заплакал. – Я стар, вам не придется мучиться долго…

– Вам и пятидесяти нет…

– Но мне очень, очень плохо. Скорее! Доктора!

– Какого? Тоннера вы отставили, слишком молод…

– Тильмаха! Тильмаха!

– А этот был слишком стар. Вчера преставился.

Что за день такой?

– Юлия! – простонал князь жалобно. – Я выполняю свой долг, свой супружеский долг – берегу вас от соблазнов.

– Ваш супружеский долг – посещать мою спальню! Но, оказывается, вы таскаетесь по чужим, на меня сил не хватает.

– Ваши слова меня убивают! О, сколько я сил потратил, чтобы уберечь, спасти вас от адовых мук…

– Да! Много сил! Даже подруг иметь запретили!

– Не лгите! Пожалуйста! Хоть завтра езжайте к вашей Полине! Можете и послезавтра!

Полина Налединская была закадычной подружкой Юлии Антоновны еще со Смольного института, где будущая княгиня Дашкина училась по бедственному положению, а Полина (тогда Лаевская) – совсем по иной причине. Ее мать, Софья Лукинична, страдала нервными расстройствами, поэтому генерал Лаевский сына Владимира определил в пажеский корпус, а дочь – в Институт благородных девиц.

– Спасибо, ваше сиятельство!

– Но Тучина в нашем доме больше не будет!

Жена промолчала. Князь приподнялся с кресла:

– Вы поняли?

Княгиня резко повернулась и пошла к выходу. Уже открыв дверь, ответила мужу:

– Поняла! Но вы об этом пожалеете!

Дашкин не знал, что Тучин гостит в Петербурге у дядюшки – генерала Лаевского, и именно Полина познакомила кузена с княгиней. Молодой художник был красив, обаятелен и очень настойчив, в душе Юлии Антоновны до сей минуты шла борьба: уступить его ухаживаниям или остаться верной опостылевшему мужу? Теперь она наконец решилась.

«Недаром говорится: беда не приходит одна, – горестно думал Дашкин. – Ссора с женой, шантаж!»

Его внезапно пронзила страшная мысль: шлюхи на французском не читают! Им и на русском-то читать без надобности! Неужели дама под вуалью из благородных? Куда катится мир? Дворяне идут в художники, дворянки – в шантажистки. Черт побери! Откуда у этой дамы его письмо? Дашкин отправил его с верной оказией.

Черновик! Князь хлопнул себя по лбу и понесся в кабинет. Трясущимися руками открыл ящик письменного стола, перерыл бумаги. Черновика нигде не было!

Но, может быть, князь сам его уничтожил? Дашкин не мог вспомнить. «Вы об этом пожалеете!» – всплыли в памяти слова жены. Неужели в шантаже замешана Юлия?

Нет, сие невозможно!

Но кто, кроме нее, мог украсть черновик?

Глава вторая

Дождь не лил, не хлестал, а словно убийца разделывался с прохожими, поражая их мгновенно и насквозь. Тучин, выскочив из экипажа, в два прыжка одолел ступеньки, но успел промокнуть до нитки.

Швейцар прятался от дождя в доме – пришлось стучать.

– Отворяй, мать твою! – выругался Александр, когда дверь наконец приоткрылась.

Швейцар посмотрел азиатскими глазами, секунду помедлил, буркнул:

– Не принимают-с! – И с шумом захлопнул дверь.

Александр в негодовании застучал в нее ногами. Лаевский велел быть у Баумгартена в семь. Ну да, Тучин припозднился, но, черт побери, это не повод его не пускать.

– Сказано вам! Не принимают-с! – раздраженно прокричал швейцар через стекло.

– Я – Тучин! Александр Тучин! Велите доложить!

– Никого не принимают-с!

– А мой кузен, Владимир Лаевский! Он здесь?

– Не знаю-с! – с непроницаемым лицом ответил швейцар и повернулся спиной.

– Черт! Вспомнил! Дама треф! – хлопнул себя по мокрому лбу художник. Точно! Лаевский сказал, что пустят по паролю. Тучин еще расхохотался – что за казаки-разбойники? Александр снова постучал и, когда швейцар недовольно обернулся, громко прокричал: – Дама треф! Дама треф!

Скинув промокшее пальто, он взбежал по мраморной лестнице на второй этаж. Дворецкий еле поспевал за ним и сумел обогнать художника только перед самым входом в столовую. Широко распахнув дверь, он торжественно доложил:

– Тучин Александр Владимирович!

Ужин, вернее, обед (в Петербурге ужинают, когда в провинции давно спят), уже начался. На Тучина уставилось множество любопытных глаз, некоторые гости даже достали лорнеты. Во главе стола восседал незнакомый генерал.

– Входите, Тучин, не стесняйтесь, – пригласил он нового гостя и обратился к остальным: – Жизнь, господа, продолжается. Место павших занимают новые герои. Прошу любить и жаловать – Александр Тучин. О-очень талантливый живописец! Кузен и, так сказать, милый друг нашего дорогого Лаевского.

Тучин нашел глазами кузена. Слава богу, место рядом с ним свободно.

– Почему опоздал? – недовольно прошептал Лаевский, когда Саша уселся.

– Дела…

– Я же просил быть вовремя! Где ты шлялся? Ездил к Дашкиной?

– Да, – неохотно сознался Тучин.

Председательствующий постучал ножом по бокалу, призывая к тишине:

– Несколько слов о незабвенном Якове хочет сказать самый близкий ему человек, наш сегодняшний хозяин, барон Баумгартен.

Сидевший справа от генерала полноватый господин в круглых очках поднялся:

– Господа!

Тучин окинул взглядом стол. Ба! И впрямь, одни мужчины!

– Девять дней, которые прошли после Яшиной смерти, я – словно не я. Не я вез тело к безутешным родителям, не я плакал над могилой на деревенском погосте. А я… Я не могу до сих пор поверить, что его нет…

Достав из кармана цветастого жилета платок, барон вытер слезы.

– Смерть бессердечна, – проникновенно заметил кто-то.

– Потому что женского пола! – оживился старичок рядом с Тучиным.

– Кто женского пола? – удивился художник.

– Смерть! Недаром ее старухою с косой рисуют, – охотно пояснил старичок. – Женщины все бессердечны. Взять, к примеру, мою мать. Ну ладно, батюшку не любила! Чего там было любить? На диване лежал, философствовал, не стригся, не мылся, чтоб от умных мыслей не отвлекаться. Но маман и меня не любила. Бывало прижмусь к ней, а она отталкивает: «Поди, – говорит, – вон!»

– Князь! – оборвал его генерал. – Мы слушаем барона!

– Да? – удивился старичок. – Простите!

– Яков был полон сил, полон идей. Почему именно он? За что? – Барон снова прослезился.

– Нелепая случайность! – печально сказал генерал. – Прекрасный ведь был наездник! Я всегда на смотрах Яковом любовался! И на тебе! Упал с лошади, сломал шею…

– Его убили! – выкрикнул барон Баумгартен.

За столом зашумели:

– Это правда?

– Полиция знает убийцу?

Генерал снова постучал по бокалу:

– Тихо! Тихо! Увы, барон, ваши подозрения не подтвердились. Сегодня я вызывал гражданского губернатора. Он доложил, что никаких признаков насильственной смерти нет!

– Помнишь тот вечер? – шепотом спросил Тучина Владимир Лаевский.

Художник кивнул:

– Еще бы! Голова потом неделю раскалывалась!

– Помнишь, я предлагал Якову заночевать у нас?

– Не помню, – пожал плечами Тучин.

– Зачем, мол, Яшка, тебе пьяному верхом?

– Да! Да! Угаров тоже его отговаривал!

– Вечно он лезет не в свое дело, твой Угаров. Зачем он вообще приехал?

– Лаевский? Ты что? К Денису ревнуешь? Он ведь не аст![2 - Одно из наименований содомитов в девятнадцатом веке.]

Дружба Дениса Угарова и Александра Тучина была предопределена до их рождения. Их отцы были не только соседями, но и боевыми товарищами. Кондрат Угаров под Аустерлицем вынес с поля боя раненого Владимира Тучина. И в лазарете лежали вместе – в том же бою осколок попал смельчаку в голову. Совместно и службу закончили (после тяжелых ранений обоих комиссовали), и сыновья у них родились с разницей в полгода. Только недолго прожил на свете Кондратий Угаров. И Владимир Тучин, как мог, заменил осиротевшему Дениске отца. Обучал вместе с Сашей, благо имения рядом. Заметив, что оба мальчика художественно одарены, выписал учителей из Италии (отечественную академию, что в Петербурге, отверг, профессорам-немцам не доверял). Так и росли мальчишки вместе.

Тем летом друзья впервые разлучились. Матушка Угарова решила съездить в Троице-Сергиеву лавру на богомолье и взяла с собой Дениса. Саша же остался в имении – с утра до вечера рисовал, или, как говорят художники, красил; но ни поболтать, ни пошалить ему было не с кем. И вдруг из Петербурга приехал кузен.

Владимир Лаевский был старше на добрых восемь лет, но к Сашиному удивлению, общаться с ним оказалось легко – ни взрослой заносчивости, ни менторского тона. Он был сама внимательность, предупредительность, постоянно оказывал младшему другу мелкие, но очень приятные знаки внимания. И восхищался Сашиным талантом! Дружба с Денисом была иной – шалости, забавы, скрытое соперничество в учебе, бесконечные споры, нередко доходившие до драк. С Лаевским сразу возникло полное взаимопонимание, никаких конфликтов, а вечерами, когда расходились по спальням, почему-то появлялась грусть и учащалось сердцебиение. Однажды, когда Александр уже лежал в постели и перед его мысленным взором снова и снова возникал Владимир, тот вошел к нему в спальню, сел на кровать и осторожно погладил.

Александр знал о сократической любви – в библиотеке отца было много книг об античном мире, где такая любовь считалась возвышенной. Когда Владимир склонился и нежно поцеловал его в лоб, Саша сам подставил кузену губы…

За пару летних месяцев Денис очень возмужал, превратился из нескладного отрока в мускулистого привлекательного юношу. Скучавший после отъезда Лаевского Тучин обрадовался возвращению друга. Обоим было что рассказать. Побежали на речку, последний раз в году искупаться накануне Спаса. Денис

говорил о золотых куполах, чудотворных иконах, исцеляющих мощах. Смысл его слов ускользал от Тучина. Саша словно впервые увидел точеное, как античная статуя, тело Дениса, крепкие ноги и нежный пушок на щеках. В воде, будто ненароком, дотронулся. Показалось, что Денис ободряюще улыбнулся…

Закончилось дракой. Разъяренный Угаров надавал Саше тумаков, а потом горько зарыдал, упав в траву. Умолял Сашку уйти в монастырь. Мол, Господь милостив, жизнь впереди, и даже этот ужасный грех Тучин успеет искупить.

Александр ничего не понимал. Вроде вместе росли, читали одни книжки, играли в одни игры. Отчего они с Денисом такие разные?

Ни в какой монастырь Тучин не собирался. Разбуженные Лаевским страсти добавили в Сашин мир множество ярких красок, греховные наслаждения пробудили невероятное по силе вдохновение. Кисть словно сама рисовала! А вот святоша Денис, как и раньше, писал словно убогий ремесленник: скучно и совершенно неинтересно!

Барон между тем заканчивал свою речь:

– Пройдут годы. Я состарюсь, стану немощным, но до последнего вздоха буду помнить тебя, Яков! И настанет день, когда вечно молодым ты встретишь меня у ворот рая.

Все встали и, не чокаясь, выпили.

– А я вот жалею, что молодым не умер, – кокетливо сказал сосед-старичок. – Я-то в юности о-го-го был. Самому Господу приглянулся бы!

– Вы что, князь? – перебил его господин в потертом зеленом фраке, сидевший напротив Тучина. – Господа в бугры[3 - Бугор – одно из наименований гомосексуалистов в XIX веке. От французского bougre – содомит.] записали?

– Куда ж еще? – удивился старичок. – Бог создал мужчин по образу своему и подобию. Вдумайтесь! Подобию! Это не мне юноши нравятся, а Господу. А я просто не противлюсь.

– Дьяволу вы не противитесь, князь! Господь совсем иное велел: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь на них»[4 - Левит. 20:13].

– Ах! – жеманно махнул рукою старичок. – Не смешите! Господь это не нам, жидам, велел. И знаете почему?

– Ну-ка, ну-ка! Погромче, князь! Мы слушаем! – заинтересовался генерал.

– Кто жидовок видел – сам знает. Каждая пудов пять, а может, шесть. Волосы на голове зачем-то бреют. Да-с! А губы – нет! Усы у них, как у гусар. Представляете? Жиды-мужчины даже для продолжения рода с ними не хотят. Вот Бог и повелел: «Плодитесь, жиды, и размножайтесь», – а чтоб никто не манкировал, запретил горемычным мужеложство.

– Вы князь, мало, что грешник… – сурово начал господин напротив.

– Я грешник? – искренне удивился старичок князь. – Господа! Вы слышите? Мы с вами грешники, а граф Ухтомцев – праведник. Непонятно только, как он за этот стол попал!

– Тут что? Одни бугры? – тихо спросил Тучин Лаевского.

– Ну да! А ты не понял?

– Я тоже грешник! – ответил старичку князю граф Ухтомцев. – Но не богохульник. Свои мерзости на Господа не сваливаю. В грехах своих сам виноват. Дьявол меня искушает, а я противостоять не могу. И у врачей лечился, и в монастыре обет давал. Два года потом держался, но дьявол не отступал: искушал меня, соблазнял. Еду с кучером в присутственное место, а о делах думать не могу. Только о кучере. Лакей суп подаст, а я супа не хочу, только лакея. И не выдержал, нарушил обет. За это меня Господь и на этом свете покарал – без средств я, господа, остался, знаете, наверное, сюда к вам пешком пришел, а уж на небесах даже представить не могу, какая участь ждет. Гореть мне в сере, как жителям Содома!

– Жителей Содома Господь не за мужеложство наказал, не передергивайте, – не сдавался старичок, – а за то, что ангелов хотели употребить. Еще раз повторюсь, граф, хотите соблюдать жидовские заповеди – пожалуйста. Можете прямо здесь начать! Скиньте ветчинку с тарелочки! И осетринку следом. Не положено жидам! А на балах у дам интересуйтесь: нет ли у них сегодня течки? Жидам текущих сучек касаться ни в коем случае нельзя! Хе-хе… А мне пожайлуста! Меня Иисус от законов жидовских избавил.

– Это тайное общество? – тихо спросил Тучин кузена.

– С ума сошел? Нет, конечно! Якова собрались помянуть. Свои кругом. Такова традиция. Когда Костя скончался, я тоже всех приглашал. На сорок дней!

На лице Владимира промелькнула грустная тень. Поручик Константин Ярош последние два года был его пассией и даже жил в доме Лаевских. Весной поехал навестить родителей в имение, там внезапно заболел и умер.

– А с месяц назад Верхотурова поминали, – продолжил мартиролог Лаевский. – Из окна выкинулся. Загадочная история. Теперь вот Яков…

– А почему вход по паролю?

– Чтобы лишний никто не приперся. Сам видишь, люди не простые. Сенаторы, товарищи министров, члены Государственного совета. Многие скрывают, что содомиты.

Философский спор между князем и графом прервался – немолодой одутловатый поэт с цветком в петлице читал ужасно длинное стихотворение памяти трагически погибшего. Барон Баумгартен всхлипывал.

– А на этих встречах вы только ужинаете? Или… – Тучин сделал игривый жест. Он уже поймал множество томных взглядов, а председательствующий генерал даже пару раз подмигнул ему.

– Рехнулся? – разозлился Лаевский. – Тебе что тут? Древний Рим?

– А генерал что за птица?

– Ты что? Не узнал?

Тучин помотал головой; откуда ему, провинциалу, знать в лицо петербургскую знать? Поэт от громкой декламации перешел к еле слышной, поэтому имя генерала Лаевский прошептал Саше на ухо.

– Врешь! – вздрогнув от неожиданности, выкрикнул юный художник. Любители поэзии недовольно зашикали. – Не может быть!

– Тише! Еще как может! Говорят, его предок с дружком Алексашкой такое вытворяли…

– Сплетни!

– Не сплетни! Я слышал, в архивах и документы есть, только они секретные!

Поэт закончил, все бурно зааплодировали, а Баумгартен подошел и крепко обнял стихоплета.

– Ну, дела! – помотал головой Тучин. – А император? Он тоже?..

– Тише ты! Нет, конечно! И не одобряет.

– А?.. – Александр показал глазами на генерала.

Лаевский развел руками:

– Великий князь своих склонностей не афиширует. Развлекается обычно с подчиненными.

– Олухи царя небесного! – Дашкин распекал трех мальчишек. – Дармоеды! Почему упустили?

– Так мы своим ходом, а он на лошадях!

– Кто он? – Дашкин схватил за ухо сына кучера, старшего в компании. – В экипаже женщина сидела!

– Так одно на лошадях! А мы пехом! Не догнать!

– Еще до поворота отстали! – грустно сказал дворников сын. – Пока добежали, и след простыл.

Князь оттаскал и этого за ухо. Пребывал Дашкин в самом поганом расположении духа и ярость сдерживать не пытался: княгиня к ужину не вышла, передала через горничную, что голова болит. Князь попытался навестить супругу, чтобы про черновик выспросить, но в аудиенции ему было отказано.

– Надо бегать больше. Разжирели, дармоеды.

Невиновность мальчишек была очевидной, но князь, аки Навуходоносор, готов был троицу сжечь[5 - «Книга Даниила» содержит рассказ о золотом истукане, отлитом по повелению вавилонского царя Навуходоносора, который повелел всем своим подданным ему поклониться. Однако три иудейских отрока отказались выполнить приказание, за что по приказу царя были брошены в раскаленную печь. Но Ангел Господень сошел туда вместе с отроками и выбросил пламень огня из печи.].

– Вот Моська без труда лошадей догнала. А мы не собаки! – подал голос третий отрок, кухаркин сын. Его князь схватил за грудки, поднял и потряс:

– Не собаки, говоришь?

– Моська смышленая! – тонким голосочком пискнул мальчишка. – Я ей приказал догнать. Она все понимает!

– Что за Моська?

– Собачка! Вы разве не видели? Мы с ней играли!

– Вот и доигрались! – Князь выпустил кухаркиного выродка и влепил ему затрещину.

– Вы ж сами велели! – захныкал тот. – Чтоб нас не приметили. А Моська домой не вернулась. Значит, выследила. Сидит, караулит. Нас ждет.

– Так какого лешего сюда явились?

– Покушать… – простодушно ответил сын кучера.

– Идите, ищите свою шавку.

Мальчишки поклонились и надели шапки.

– Стоять! А извозчика запомнили?

– Я запомнил! – отозвался дворников сын.

– Петруха! Пойдешь с ним! Найдете извозчика, расспросите…

– Может, денег посулить? – осторожно спросил камердинер. Давненько он барина таким раздраженным не видел, и хотя на ночь глядя никуда идти не хотелось, возражать не стал. Князь кинул на пол мелочь из кармана.

– Заплатишь, сколько скажет. А вы, – Дашкин зыркнул на отпрысков кухарки и кучера, – ищите свою дворняжку! С утра доложите, где та дама живет!

На прощание подвыпивший генерал распахнул Тучину объятия:

– Я рад, что такой талантливый и красивый юноша приехал в Петербург.

– Ваше…

– Без титулов! Когда станем ближе, будешь звать меня лапушкой. – Генерал выпустил художника из объятий, но тут же схватил за руки. – Мне так понравился портрет Яши! Он долго позировал?

– Нет, я писал по памяти. Барон попросил. Уже после гибели Репетина…

– И ты за девять дней…

– За пять! Я работаю быстро!

– Поразительно! Вчера заехал с соболезнованиями, был поражен. Яков как живой! А когда узнал, что ты из наших, велел сегодня позвать!

– Для меня огромная честь…

– Даже не понимаешь, какая. В Петербурге выставлялся?

– Увы!

Попытка в Академии художеств закончилась неудачей. Тамошние профессора весьма язвительно отозвались о тучинских работах. Что неудивительно – зачем хвалить талантливого конкурента? Проще объявить профаном и неучем.

– Приходи ко мне. Я тебе заказ дам. Через месяц самым модным художником будешь! Фи, Лаевский! Как коршун…

Ревность Лаевского раздражала и самого Тучина, но сейчас появлению кузена он обрадовался. Рано облысевший и обрюзгший, с карикатурными рыжими усами и надменным взглядом, Великий князь вызывал у художника отвращение.

– Эх, Володя! Давно бы полковником был! – Генерал покровительственно потрепал Лаевского по щеке. – Ладно, Тучин, жду!

– Ваше императорское высочество! Спасибо за оказанную честь. Но в настоящее время я работаю над большой картиной, «Страшный суд», и пока заказы не беру.

– Хм… – опешил Великий князь. – Ну, как угодно. Прощай.

И, холодно кивнув кузенам, удалился.

– Предлагал звать его лапушкой! – коротко передал содержание разговора Тучин.

– Вот скотина! – Лаевский в сердцах топнул ногой.

К ним тут же подошел хозяин дома, барон Антон Баумгартен:

– Вольдемар! Ты чем-то недоволен?

– Нет, нет! Все было прекрасно. Как всегда!

– Как всегда, – понуро согласился тот. – Только Якова больше нет…

– Друг мой! Не изводи себя!

– Вольдемар! Я не знаю, как жить дальше. Эти дни были ужасными – отпевание, похороны… Но я был чем-то занят. А теперь впереди пустота! Одна пустота!

– Приезжай завтра вечером к нам. Посидим, поужинаем, поболтаем.

– Спасибо! С удовольствием!

Глава третья

С юных лет Денис Угаров прекрасно знал генеалогию Романовых, но никогда судьба не сталкивала его ни с одним членом монаршей семьи. Увидеть же державного владыку было пределом его мечтаний!

В Казанский собор набилось множество людей. Казалось, яблоку негде упасть, но, когда прибыл император, толпа расступилась, образовав широкий коридор.

Высокий, широкоплечий Николай Павлович прошел в двух шагах от Дениса. Император выглядел моложе, чем на портретах, но столь же величественно. Высокий лоб, живые, чуть печальные глаза, подкрученные усы… Вроде обычный человек, но такая мощь и благость в нем! Мрачный храм словно светом озарился!

Пропустив монарха, толпа сомкнулась теснее прежнего. Как ни вставал Угаров на цыпочки, как ни пытался еще разок поглядеть на императора, видел лишь шляпку и пышную прическу Аполлинарии Налединской, замужней сестры Владимира Лаевского.

Нельзя сказать, что сие зрелище было неприятным. Напротив, Денис встал за красавицей специально.

После памятного августовского купания Угаров долго избегал Тучина, даже на этюды с другом ходить перестал, вместо этого каждый день по многу часов молился в церкви.

«Моим другом овладел диавол. Коли сам Александр не хочет просить Господа о прощении, тогда мой долг искупить его грехи!» – решил Денис.

Выбрав монастырь, пошел к маменьке просить благословения на монашеский подвиг. Выслушав, Евдокия Кузьминична разрыдалась:

– Хороший ты у меня, Денисочка! Как Господь наш, собой ради других готов жертвовать. Только я, грешница, не достойна тебя. Внучков понянчить хочу. Коли родился бы второй сыночек живым, благословила бы! – С этими словами мать грохнулась перед ним на колени. – Погоди, Денисочка! Монастырь не убежит. Всегда туда успеешь. Да и Варька подрастает, на тебя заглядывается.

Варварой звали тучинскую сестру.

Матушке Денис перечить не стал, уход в монастырь отложил до ее кончины. И совместные занятия с Тучиным возобновил: Владимир Алексеевич, Сашин отец, забеспокоился, с вопросами полез. Денис друга не выдал, сослался на нездоровье.

Попыток «сблизиться» Саша больше не предпринимал, даже извинился за инцидент. Плотские потребности удовлетворял с крепостными девками. Ощущения были другими, но столь же вдохновляющими! Не раз приглашал присоединиться и Дениса, но тот твердо решил стать монахом.

Узнав, что выпускники Академии художеств стажируются в Италии, Тучин-старший задумал и своих живописцев туда отправить. С юношами отрядил Данилу – дядьку, ходившего за ними с малолетства.

В дороге Угаров крепко заскучал. Часто матушку вспоминал, иногда Владимира Алексеевича и постоянно Варьку! Когда близкий человек рядом, то его не замечаешь, как не замечаешь воздух, которым дышишь. Не задумывался до отъезда Денис, что ежедневно по многу часов гуляет с Варей и не может наговориться, не догадывался, что давно влюблен. А в дороге сразу пустоту ощутил.

Трясясь в бричке, Денис постоянно вспоминал девушку, на остановках изрисовывал альбом ее профилем. Тучин заглядывал через плечо, но ничего не говорил. Сам он на каждой станции, в любом трактире искал приключений. То карты, то кости, то разгульные девки, то сладкие юноши. Денис всего сторонился, но тоже помалкивал, свое неодобрение держал при себе. Александр, когда сильно напивался, мог завалиться к Денису с красотками:

– Может, хоть с девкой попробуешь? С девками-то Боженька разрешил!

– Нет, спасибо, – твердо отвечал Денис.

– Ну тогда хоть вина попробуй! Иисус и сам не дурак был выпить, и людей угощал.

Вино Денис попробовал. На вкус понравилось, однако, сколько ни пил, не хмелел.

– Это вы в батюшку своего пошли, Кондрата Денисыча, царствие ему небесное, – вспомнил дядьку Данила. – Мог на спор полведра водки выпить, и ни в одном глазу.

Такое свойство юного организма оказалось полезным. В захолустной польской гостинице лихие люди решили юношей опоить и ограбить. Ох, и крепко досталось им от разъяренного Дениса!

Из того злосчастного польского городка Тучин ни в какую не желал уезжать. Приглянулся ему ученик сапожника. Александр ему и деньги сулил, и подарки делал, а тот нет и нет. Жидовский Бог не велит, и все тут. А Денис нервничал. Лихие люди и вернуться могут, да не одни, с подмогой. Как-то ночью в дверь его номера постучали. Схватив приготовленный нож, Угаров осторожно приоткрыл дверь. Перед ним стояла обнаженная девушка. Не говоря ни слова, обвила его шею и принялась нежно щекотать язычком ухо. Угаров не устоял – подосланная Тучиным распутница слишком походила на Варю…

Потом были немецкие бюргерши, французские танцовщицы, итальянские натурщицы. Как развязанный кобель, Угаров теперь бросался на каждую женщину. Умертвить плоть, побороть естество ему не удалось. Мысли о монастыре отбросил. Не достоин оказался духовного пути!

Отношения с Тучиным наладились. Как и прежде, веселились вместе. Редкий день в Италии не заканчивался пирушкой или веселым приключением. Женщин посещали сообща, с юношами Тучин развлекался один.

Заезжать в Петербург Денис не хотел. Больше года дома не был, целую вечность не видел Варю. А Лаевский в письмах настойчиво звал Тучина в гости, да и сам Александр грезил столицей. Модным художником можно стать только там!

Полина сделала полшага назад, и в духоте Казанского собора Угаров почувствовал волнующую свежесть ее духов. От счастья кружилась голова. Денис с трудом устоял перед искушением заключить сестру Лаевского в объятия.

Таких, как она, Угаров еще не встречал! Надменность северной красоты сочеталась в Полине с ехидным язычком, неприступность гордой осанки, холодный взгляд васильковых глаз – с чувственностью алых губ.

Угаров влюбился с первого взгляда, а образ Вари, словно старая картина, облупился и осыпался. Денис решил, что принимал за любовь детскую привязанность и смутные юношеские желания.

Муж красавицы, Юрий Налединский, состоял при Коллегии иностранных дел и вскоре после свадьбы, состоявшейся этой весной, уехал за границу. С его сварливой теткой Полина жить не пожелала и вернулась на время в

родительский дом. Отсутствие супруга, казалось, упрощало задачу. Но, несмотря на все усилия, добиться благосклонности Денису не удавалось.

Они виделись каждый день, мило беседовали о всяких пустяках, Полина дежурно улыбалась, но не кокетничала, не строила глазки, не сжимала нежно его ладонь, когда Денис склонялся поцеловать руку.

Привыкший к легким победам, Угаров растерялся. Ухаживать, добиваться женщин он не умел, да и не приходилось! Бывало, глянет на жену трактирщика, улыбнется – и через час в объятиях.

Опасаясь насмешек, с Тучиным советоваться не стал, завел издалека разговор с доктором Тоннером – единственным своим петербургским знакомым.

О человеческих внутренностях или кожных покровах Илья Андреевич готов был говорить часами, но дать толковый совет, как подступиться к светской даме, не смог.

– Видите ли, – после долгого раздумья произнес Тоннер, – моя профессиональная деятельность препятствует таким интрижкам. Даже при осмотрах стараюсь не оставаться с дамами наедине. Достаточно намека, грязного слушка – и моя карьера кончена…

В отчаянии Денис решился перейти к решительным действиям. Улучив момент, набросился на Полину с поцелуями. И получил звонкую пощечину. Полина обожгла его гневным взглядом и вообще прекратила разговаривать, только здоровалась. Денис не раз пытался с нею заговорить, однако красавица делала вид, что не слышит.

Но сегодня, встретившись за завтраком, предмет обожания неожиданно улыбнулся и попросил передать соль. Угаров воспрял! Целый день истолковывал тайный смысл этих событий, находя их, без всяких сомнений, благоприятными и сулящими счастливый поворот в судьбе.

Служба в Казанском закончилась. Денис отругал себя: в монахи собирался, а в храме даже не помолился, о греховном размышлял. Толпа снова расступилась, освобождая дорогу императору и свите. Дениса оттеснили в сторону, и он потерял Полину из виду. Зажатый со всех сторон человеческими телами, Денис

внезапно почувствовал, как кто-то лезет в карман его сюртука. Что делать? Подлеца не схватить – тесно, руки не поднять. Закричать: «Держи вора»? Так ведь император мимо идет! Могут неправильно истолковать! Слава богу, денег в кармане нет, только носовой платок.

Выйдя из храма, Денис заспешил к карете, в которой уже расселось семейство Лаевских; о покушении на свой карман он начисто позабыл.

Софья Лукинична Лаевская обернулась к Угарову:

– Этот Альмавива – точь-в-точь мой муженек! Даже ногу приволакивает!

– Вы правы! – согласился Денис, кинув злобный взгляд на Андрея Артемьевича. Из-за этого старого кобеля он не смог сесть рядом с Полиной. Когда зашли в ложу, генерал Лаевский неожиданно для всех сел за своей воспитанницей – Оленькой Змеевой. Ее жених, Матвей Никифорович Кислицын, растерянно огляделся и плюхнулся в кресло, стоявшее за спиной Полины. Денису пришлось занять место подле супруги Андрея Артемьевича – Софьи Лукиничны, из-за широкой спины которой великого Каратыгина он видел лишь изредка.

– Бедная графиня! Как она страдает! Ну прямо как я! – томно продолжила шептать Угарову Софья Лукинична.

Отношения в семье Лаевских и вправду напоминали «Свадьбу Фигаро». Но если в пьесе служанка Сюзанна отвергала домогательства графа, то Оленька Змеева принимала ухаживания своего престарелого воспитателя более чем благосклонно, а ее жениху было далеко до пронырливого и изворотливого Фигаро. Весь спектакль Матвей Кислицын просидел с покорной физиономией, ни разу даже не покосившись в сторону невесты и своего развратного покровителя.

– Я вижу, как вы страдаете! – вновь повернулась к Угарову мамаша его возлюбленной. – Я ценю ваше негодование! Каким взглядом вы наградили это ничтожество, когда оно уселось подле пигалицы!

– Мама! Вы мешаете слушать! – громко оборвала ее Полина.

– Вы настоящий мужчина! – чуть тише продолжила Софья Лукинична, показав дочери язык. Она вообще вела себя чересчур раскованно, стенания по поводу изменника мужа не мешали ей внимательно рассматривать в бинокль офицеров в партере Малого театра. – Судьба вознаградит вас!

– Да, да! – машинально ответил Денис. Полина недавно уронила платок, а Кислицын этого не заметил. Слишком увлечен был великолепной игрой Сосницкого-Фигаро, ловил каждое его слово. Встать, что ли, на четвереньки и пошарить между ножками кресел? Немного поколебавшись, Угаров так и сделал.

– Куда же вы, Денис? – спросила громко Софья Лукинична, когда он почти дотянулся до заветного платка. Угаров отдернул руку, поднял голову и поднес палец к губам. Мол, тише! Но понял, что уже привлек к себе внимание. Даже из соседних лож заглянули. Денис покраснел, вскочил на ноги и выбежал вон.

Какой конфуз! Что о нем подумают? Испарина покрыла лоб. Денис полез за платком и вместе с ним вытащил записку:

«Ждите после полуночи! Я приду в вашу спальню!»

Сердце радостно забилось, Денис подскочил до потолка. Прекраснейшая на свете сдалась!

– Что с вами? – поинтересовался Андрей Артемьевич, когда Угаров возвратился в ложу. Какой странный у племянника приятель! Всю комедию сидел с печалью на челе, посреди действия бухнулся на колени, а теперь вот улыбка блуждает по лицу и глаза сверкают!

– Ничего, Андрей Артемьевич! Все в полном порядке! – ответил Угаров. Лаевский-старший больше не казался ему развратником. Старика можно понять – жена словно студень колышется, а тут молоденькая воспитанница с глупым женихом. Чрезвычайно глупым! Кислицын только сейчас заметил, что у Полины платочек упал, и, кряхтя, полез его доставать. Налединская еле слышно сказала ему: «Благодарю» – и весело улыбнулась Денису. Ей одной с самого начала были понятны его манипуляции под креслами.

От мимолетного движения губ Полины Дениса стала бить такая дрожь, что ее почувствовала соседка:

– Бедный, бедный Керубино! – прошептала она ему на ухо и смахнула слезу. Денис не понял, с чего Софья Лукинична так расчувствовалась. Актер, изображавший пажа Керубино, играл из рук вон плохо, и жалеть надо было зрителей, а вовсе не его.

На крылечке особняка всех облаяла какая-то собачонка. Двое грязных мальчишек с трудом ее отловили:

– Моська, Моська! Идем домой!

– Це псина бешена! Треба в Фонтанке утопить! – грозно посетовал швейцар Филипп. – Ишь, на господ кидается!

Полина, сославшись на нездоровье, сразу отправилась в спальню. Все пожелали ей «спокойной ночи», лишь Денис сказал сладостное: «До свидания!»

Свидание! Первое и, даст Бог, не последнее! Денис оставшееся до полуночи время тщательно готовился. Приказал принести теплой воды и снизу доверху себя вымыть. Потом лимонную корочку пожевал, чтобы запах неприятный изо рта не шел.

С первым боем часов, прогремевшим из гостиной, юркнул в кровать, стащил с себя исподнее. Полина запаздывала. Денис закрыл глаза и принялся ждать. Предусмотрительно смазанная дверь даже не скрипнула, только когда откинули одеяло, Угаров понял, что возлюбленная пришла.

Юноша обхватил желанные плечи, шепнул в ухо:

– Я тебя люблю!

– И я!

Голос не Полины. И духи не ее. А во рту зубов почти нет!

Денис приоткрыл глаза.

– Софья Лукинична! – прошептал он в ужасе.

Руки сами собой опустились, по телу пробежала судорога.

– А ты кого ожидал? – громко спросила генеральша.

– Умоляю, тише! Весь дом сбежится!

– Ну и пусть! Пусть все знают! Обманщик! – Софья Лукинична наградила юношу пощечиной. – Развратник! Кого ты ждал? – Тут ударили и по второй. – Полину? Отвечай!

Пощечины не прекращались, вдобавок при каждом замахе на грудь Дениса падал освобожденный от корсета живот.

– Тише! – чуть не плача бормотал Угаров.

– Негодяй! Мерзавец! Насильник! – орала на весь дом Лаевская. – Зачем тебе эта сучка?

Денис обреченно закрыл глаза. Хоть в Петербурге они с Тучиным находились уже второй месяц, с генеральшей он познакомился лишь накануне. Сентябрь и почти весь октябрь та провела со своей старшей сестрой в имении, откуда только вчера вернулась. Весь сегодняшний день Софья Лукинична оказывала юноше знаки внимания – то посмотрит многозначительно, то двусмысленность изречет. Угаров списал это на безобидное старческое кокетство – и вот на тебе: почтенная матрона у него в спальне.

Первыми на крик явились Тучин с Владимиром Лаевским. Попыток освободить несчастного Угарова даже не предприняли – прыснули от смеха. Следующей явилась старшая сестра Софьи Лукиничны – Ирина. Уже в тридцать лет ее принимали за старушку. Всегда в чепце, никаких румян и украшений, сгорбленная сухонькая фигурка.

– Батюшки светы! – воскликнула она и, перекрестившись, убежала.

Потом заглянул Кислицын. Вытаращил в изумлении глаза и немедля исчез. Последним вошел Лаевский-старший.

– Андрей Артемьевич, посмотри, что вытворяют в нашем доме! – заверещала Софья Лукинична. – Я ему в матери гожусь, а он меня насиловать пытался!

– Какой позор! – пробормотал старик.

Ирина Лукинична вернулась с подмогой. Дворецкий Никанорыч и швейцар Филипп сняли с Угарова брыкавшуюся Лаевскую и потащили к ней в комнату. Вслед за ними молча удалились остальные, только Тучин, уняв наконец смех, сказал в дверях:

– Ну, ты даешь!

Денис долго не мог заснуть.

«Какой конфуз! Завтра меня выгонят! Да еще с позором! – размышлял он, ворочаясь в кровати. – Вот уж действительно Керубино! Ладно! Зато домой поеду!»

Глава четвертая

– Чего молчите-то? – спросила Ирина Лукинична.

Угаров, потупив взор, вытянулся перед Андреем Артемьевичем. Эх, надо было уехать спозаранку, да проспал! Стой теперь, как пугало огородное. Сам виноват! Кабы дверь в комнату запер, не попал бы в коллизию!

– Андрей Артемьевич! Скажите же что-нибудь! – оказывается, призыв не к Денису относился.

Генерал Лаевский поднялся с кресла и подошел к Угарову:

– Вы бывали в сумасшедшем доме?

– Нет, – промямлил Угаров. Бог мой! Неужели в скорбный дом хотят упрятать?

– Душераздирающее зрелище! – продолжил Андрей Артемьевич. – Несчастные прикованы к каменным стенам, ревут, кричат, кусаются. Дабы облегчить невыносимые страдания, их обливают ледяной водой! Вот! Теперь понимаете, почему я не отдал туда Софушку?

Угаров вытаращил глаза:

– Нет!

– У Софушки приступы всего два раза в год, в остальное время она нормальная… почти нормальная, вот мы и решили с Иринушкой, что сами справимся.

Разговор происходил в кабинете генерала, больше походившем на библиотеку. Стен за книжными полками не было видно, раскрытые фолианты лежали везде – на камине, диванах, креслах, а письменный стол был завален ворохом бумаг и книг.

– Софья не сумасшедшая! – вставила Ирина Лукинична. – У нее просто нервная горячка! Как приступ случится, мы ее в комнату особую запираем, на втором этаже, рядом с вами!

Денис вспомнил, что справа от его комнаты дверь всегда заперта.

– Стены там подушками обиты, чтобы голову она не разбила, а окно заделано, дабы не выкинулась. Если сильный приступ – ремнями к кровати привязываем, – рассказывала Ирина Лукинична. – А когда полегче ей станет, увозим в имение. Доктор Тильмах говорит, что для выздоровления Софушке деревенский воздух показан. Сидит она там целыми днями на веранде и молчит, в одну точку глядит. Месяца полтора так проходят, а то и два! А как заговорит со мной, значит, поправилась, едем обратно. Полгода потом она нормальная, ну почти нормальная, а затем снова. И так уже семнадцать лет! Сразу после рождения Полины началось! Больно носила тяжело, в родах чуть не померла! Три дня потом в горячке отлежала, а как в сознание пришла – будто подменили. Сидит,

голову опустила и молчит!

– Я упросил Ирину Лукиничну с нами пожить, – перебил свояченицу Андрей Артемьевич. – Софушку-то одну не оставишь, опять же детки, а у меня служба. То в Польшу с инспекцией, то в Сибирь…

– Выходит, – догадался Денис, – два последних месяца вы приступ в имении пережидали?

– Ну да!

– То есть сейчас Софья Лукинична здорова?

– Почти! – снова вздохнула Ирина. – Пока сиднем сидит, она силы набирает, сейчас всем здесь даст прикурить. Задирать будет и слуг, и Полину с Володей, а уж про нас с Андрюшенькой промолчу. – Ирина Лукинична метнула в родственника нежный взгляд.

– Мужчины ей после воздержания требуются, – застенчиво поделился генерал, – десять раз в сутки, не меньше!

– Раньше-то, пока молода да красива была, проблем с этим не было, – продолжила рассказ Ирина Лукинична. – Половина Петербурга у нее в любовниках числилась…

– Как же вы стерпели такое? – не сдержался Угаров, задал бестактный вопрос генералу.

– Не мыло, не смылится, – ответил тот. – А что прикажете делать? Разводиться? Она мать моих детей, юноша! К тому же больной человек, понимать надо.

– Последние пять лет в любовниках у нее Фрол ходил, дворник наш, черный ход сторожил. Да вот беда, две недели назад преставился! А заменить пока некем, – посетовала Ирина Лукинична. – Вот к вам и приперлась!

– Вы уж простите за вчерашнее! – попросил со слезами на глазах Андрей Артемьевич.

– Конечно! – обрадовался Денис. Больше всего боялся, что Лаевские нажалуются Тучину-старшему, а вот как хорошо выходит, сами огласки не хотят.

– Надеюсь, все между нами останется? – с надеждой спросил генерал.

– Не сомневайтесь! – горячо заверил Денис.

– Говорят, вы вещи приказали собирать? А может, останетесь? – попросил Андрей Артемьевич. – Вы только на ночь дверь закрывайте на ключ!

– Хорошо! – тут же согласился Денис и с юношеской горячностью решил высказать осенившую его мысль: – А может, не больна Софья Лукинична? Может, в нее бес вселился? Я когда с матушкой по монастырям ездил, видел, как одну бабу отчитывали. К ней дьявол по ночам являлся, мужа заставлял убить. Может, и Софью Лукиничну отчитать?

– Пустое! – махнул рукой Лаевский. – Лучшие врачи лечили, а все без толку!

– Ох, какую мыслишку-то подкинули, Денис Кондратович! – обрадовалась Ирина Лукинична. – Побегу с Марфушей советоваться!

Пару лет назад Ирина Лукинична приютила нищенку, которую сочла блаженной. Неудобств от Марфуши обитателям дома было много. Стараниями Ирины Лукиничны (расхваливала ее, где могла) юродивая стала известна не только в Петербурге, лицезреть ее приезжали аж из Сибири, и с утра до вечера на черной лестнице толпились богомольцы – ждали аудиенции.

– Какого черта! Я разве приказывал меня будить? – спросонья недовольно спросил Тучин.

– Записочка вам, Александр Владимирович! Сказали, что срочная! Я и осмелился…

Дворецкий Никанорыч почтительно склонился над кроватью с серебряным подносом, на котором лежала сложенная сердечком бумажка.

– От кого?

– Не могу знать! Мальчуган какой-то принес!

Тучин лениво развернул листок, пробежал глазами и тут же вскочил на ноги:

– Который час?

– Десятый!

– Мыться, бриться, одеваться! – приказал Тучин. До прихода Дашкиной оставалось всего ничего! Неужели решилась?

Никанорыч задумался.

– Давай, шевелись, старый хрыч! – поторопил его Тучин.

– А может, сначала оденемся, а потом побреемся?

– Что ты мелешь, болван?

– Федька-парикмахер только-только к Владимиру Андреевичу зашел. Через полчаса освободится, не раньше.

– Значит, сам брей.

– Никак не возможно! Не обучен.

– Черт подери! Слуга ты или нет?

– Слуга! Только у каждого слуги свое умение. Один печку топит, второй двор метет, третий дрова колет, я вот руководить всеми обучен.

– Подай халат!

– Сию секунду! – сказал Никанорыч и дернул за звонок.

Казачок Пантелейка словно за дверью караулил – тут же ворвался в комнату.

– Митяя сюда. Барин одеваться изволит.

– Ночной горшок вынеси, – приказал казачку Тучин. Тот удивленно посмотрел на Никанорыча, который лишь пожал плечами. Захвати уж, уважь каприз барина. Но когда Пантелейка вышел, заметил:

– Горшки у нас Прасковья выносит.

– А вот мой Данила, – сообщил Тучин, – все умеет! И раздеть, и побрить, и суп сварить…

Дворецкий сильно удивился:

– Во дает! Где нашли такого?

– У себя в деревне!

– Тогда понятно! Деревенщина! Крестьянин отсталый!

Тучин рассмеялся:

– А сам-то? Неужто из дворян?

– Не! Крестьянин, – не стал отрицать очевидного Никанорыч, однако гордо добавил: – Но городской!

– Оттого и ленивый! Мой Данилка таких, как ты, десятерых заменит.

– Э, барин! Ежели за все браться, все тяп-ляп получается! Где это видано, чтоб хороший повар строгать умел, а дворник портки шил? Нет! У нас каждый свое дело делает, мастерство всю жизнь оттачивает.

– Поэтому русских слуг за границей лентяями и считают! – покачал головой Тучин.

– Не знаю, что там за границей считают, – обиделся Никанорыч, – но опыт наш перенимают и даже название сему придумали! Деление труда! Вот-с! Мне господин Налединский сказывал. Он из-за границ не вылезает!

– Иван Никанорыч! – вбежал с горшком в руках Пантелейка, видимо, так и не придумавший, где его опорожнить. – К парадному входу какой-то Данила подъехал. С виду слуга, но прибыл как барин, на бричке.

– Ура! – обрадовался Тучин. – Вернулся!

– Это ты, что ли, жнец, швец и на дуде игрец? – Никанорыч придирчиво оглядел Данилу.

– Не, на дуде не получается. Мишка на ухо наступил. Вроде правильно пою, а люди смеются!

– Наступил, говоришь? В зеркало глянь! Оторвал он тебе ухо-то!

– Это собаки! – вздохнул Данила.

– Дразнил?

– Убийцу ловил! В такой переплет мы с барчуками попали…

– В еще больший попадешь, если здесь за семерых работать вздумаешь! – предупредил Никанорыч. – Я тебе сам второе оборву!

– Да я…

Договорить Данила не успел. Из кабинета Андрея Артемьевича, мимо которого они шли, вылетел радостный Угаров и бросился обнимать слугу:

– Данила! Вот здорово! Как доехал, жених?

– Уже не жених! Обвенчались, как положено. И пачпорт новый справил. Теперь я Данила Семенович Безухов, а внизу и жена вписана, Екатерина Лонгиновна. Вон смотрите!

– Поздравляю!

Данила после геройского поступка (не побоялся в одиночку преследовать преступника по болотам) получил вольную. Вместе с барчуками в Петербург не поехал – остался раны залечивать да свадьбу играть. Приглянулась ему в имении Северских горничная Катя. Огонь, а не девка, и волосы у нее тоже огненные!

– Катьку в деревне оставил?

– Как можно, барчук? Зачем тогда жениться? С собой привез! Илья Андреевич Тоннер согласился кухаркой взять!

– Здорово! – обрадовался Денис. – А то как-то обедал у него – есть невозможно!

– Илья Андреевич велел вам кланяться и звал сегодня к себе. Покойница у него интересная. Хочет, чтоб зарисовали…

– Ладно! Сейчас позавтракаю и поеду. Никанорыч! Вещи мои уложены? – поинтересовался Денис.

– Ммм, – замялся дворецкий. – Я как чувствовал, что ваш слуга прибудет. Пока не начинали.

– Ну и хорошо! Я передумал ехать.

– Ну наконец-то! – бросил Тучин, когда Данила вошел и поклонился. В душе был рад, но показывать не стал. – Явился не запылился! Побыстрей жениться не мог?

– Так я бричку чинил. По всем Европам проехали, совсем прохудилась. Теперь до самого дома докатит!

– Что встал, как истукан? Видишь, барин не умыт, не одет?

– Я…

– Брей давай.

Данила нехотя взялся за помазок и намылил Тучину щеку.

– Быстрее! Опаздываю! – топнул ногой художник.

– Александр Владимирович! Разговор к вам! Я больше вам служить не буду. Уж простите…

– Что?

– Мы ж теперь вольные! Помните? Решили к Тоннеру наняться. Катерина кухаркой, а я…

– Что ты сказал? – заорал Тучин.

– Ничего не путаешь? – Дашкин барабанил пальцами по окну кареты.

– Моську у этого дома нашли! А тот дядька, – мальчишка тыкнул пальцем в швейцара, который терпеливо что-то объяснял одетому в лохмотья страннику, – сказал, что ее надо утопить.

– Правильно сказал! – брезгливо проронил князь. – Вся карета из-за твоей псины провоняла. Зачем ты эту паскуду взял?

– Петр Пантелеевич велели! – кухаркин сын кивнул на сидевшего рядом с Дашкиным камердинера. Тот поспешил увести разговор в сторону:

– Ваше сиятельство! Извозчик, которого я отыскал, тоже на сей дом указал!

– Ничего не понимаю! Это же особняк Лаевских!

– Так точно-с!

Арсений Кириллович задумался. Кто из обитателей дома старинного приятеля посмел его шантажировать? Конечно, супруга Андрея Артемьевича немного не в себе…

– А это кто?

Из дома как ошпаренный выскочил пожилой слуга, а за ним собственной персоной новый враг князя – Александр Тучин. Следом за художником выбежал молодой человек, которому удалось догнать художника и после непродолжительной борьбы сгрести в охапку. Даже через стекло кареты доносились истошные крики коварного соблазнителя:

– Гнида! И Катька твоя гнида! И Тоннеру передай, что он гнида!

– Это художник, что вчера заходил! – вспомнил камердинер. – Ту… Ту…

– Тучин его фамилия! – недовольно перебил Дашкин. Он-то что у Лаевских делает?

– Бреется! – без тени сомнений ответил Петруха. – Видите: одна щека намылена, а со второй кровь течет.

Тучин вырывался из рук Угарова и, если бы Денису не помог выскочивший следом Никанорыч, ринулся бы в погоню за Данилой.

– Немедленно мне слугу найди! – заорал на дворецкого Тучин. – И чтоб все умел! Одежду чистить, обед готовить, мыть, брить, шить!

– Александр! Пошли в дом! – предложил Угаров.

– Отстань! Никанорыч, чтоб сегодня нашел!

– Да где ж такого взять?

– А вы на Сенной пошукайте! – посоветовал швейцар Филипп Остапыч. – Там трактир есть, вся людына, кому работа треба, в нем збирается.

– Как называется?

– «Василек». Я пока не прослышал, что вам швейцар треба, там и сидел! С таким гарным хлопцем познакомился! Шо творил – себе представить не можешь! Пять стаканов вверх подкидывает, а потом ловит, а потом снова подкидывает.

– Клоун мне не нужен! – прошипел Тучин и, хлопнув дверью, возвратился в дом.

– А это кто? – Никанорыч заметил на крыльце мужичка в драном зипуне и дырявых лаптях.

– Це богомолец! – объяснил швейцар. – Марфу побачить хочет.

– Брысь отсюда!

Мужичок упал на колени:

– Не гневайся, добрый человек. Владимирские мы! Из погорельцев. Зашли Марфушке помолиться и совета испросить.

– Черный ход шукай, – перебил мужичка швейцар. – Да не забудь Марфуше подарунок.

– Так что ж дарить? Нищие мы! – голубые-голубые глаза мужичка заволокла печаль. – Нешто сирым и убогим совета не даст?

– Давай проваливай, погорелец! – грозно велел дворецкий.

– Братец! – Дашкин высунулся из окна кареты, затормозившей возле Данилы. – А не господин ли Тучин тебя полотенцем хлестал?

– Добрый день, барин. Он самый. Хозяин мой бывший.

– А что? Он у Лаевских живет?

– Гостит! Андрей Артемьевич ему дядькой приходится.

– Вот как? Черт побери!

Княгиня за завтраком сделала удивленное лицо, мол, в ваших столах не роюсь, никаких бумаг не брала. Дашкин успокоился, а выходило, зря. Загадочная шантажистка вчера вечером приехала в особняк Лаевских – и собачка ее выследила, и извозчик подтвердил. В этом же доме проживает соблазнитель Тучин. Сюда же в гости к Полине Налединской сегодня собралась княгиня. А кроме всего прочего, и это самое главное… Последнюю мысль князь не додумал. Мерзкая собачонка, сидевшая на руках мальчишки, залаяла на проходившего нищего. Тот от неожиданности налетел на Данилу:

– Пардон, месье! – улыбнулся богомолец. Голубые-голубые его глаза приветственно моргнули. – Задумался, а тут эта тварь как гавкнет!

– Ничего, бывает. – Данила восхитился. Вот что значит Петербург! Даже нищие по-французски говорят!

– А ну-ка вылезай со своей псиной! – накинулся на мальчонку рассвирепевший Дашкин. – Пока эту тварь не утопишь, домой не приходи!

Сын кухарки ожидал в награду пятачок, а получил пинка под зад от распахнувшего дверь камердинера. Да еще лучшего друга велели утопить!

– Пожалейте Моську, барин! – парень бухнулся перед каретой на колени.

– Трогай! – крикнул кучеру Дашкин.

Данила подошел и погладил по волосам ревевшего мальчишку:

– Не плачь! Вот увидишь, все образуется!

– Дяденька, – мальчик посмотрел с надеждой, – возьмите собачку!

– Да я их боюсь! Чуть не загрызли! – Данила показал на ухо и многочисленные шрамы на лице. – Целую свору на меня спустили!

– Христа ради прошу! Моськой звать. Вернее друга не сыщете! Зима скоро. Погибнет на улице.

Дворняжка посмотрела на Данилу, и показалось ему, что подмигнула.

– Ладно, возьму. Скоро, бог даст, детишки пойдут. Будет с кем играть!

– Доброе утро, дамы и господа! Приятного аппетита!

– Антон! Так рано! – удивился Владимир Лаевский, когда в столовую вошел барон Баумгартен. – Мы тебя к ужину ждали …

– Фи, Володенька! Какой ты неучтивый! – перебила племянника Ирина Лукинична. – Проходите, барон, проходите! Дуська, живо прибор Антону Дитриховичу! Присаживайтесь, прошу вас!

– Спасибо, я не голоден! – поблагодарил Баумгартен. – Если только чаю!

– Дуська! Чашку барону! Попробуйте вареньице! Вот сливовое, а здесь земляничное!

– Застрелен граф Ухтомцев! – огорошил всех барон, сев за стол.

– Господи Иисусе! – запричитала Ирина Лукинична.

– Дмитрий Владимирович? – уточнил Лаевский-старший.

Барон подтвердил кивком.

– На войне? – еще раз уточнил Андрей Артемьевич и тут же осведомился у Змеевой: – А какая сейчас война, Оленька? Турецкая?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шантаж (фр.).

2

Одно из наименований содомитов в девятнадцатом веке.

3

Бугор – одно из наименований гомосексуалистов в XIX веке. От французского bougre – содомит.

4

Левит. 20:13

5

«Книга Даниила» содержит рассказ о золотом истукане, отлитом по повелению вавилонского царя Навуходоносора, который повелел всем своим подданным ему поклониться. Однако три иудейских отрока отказались выполнить приказание, за что по приказу царя были брошены в раскаленную печь. Но Ангел Господень сошел туда вместе с отроками и выбросил пламень огня из печи.

Купить: https://tellnovel.com/vvedenskiy_valeriy/slomannaya-ten

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити